

Юай Чоксахват

НОЧНОЙ ГОСТЬ

Юай Чоксахват

Ночной гость

<https://litres.ru/73988109>

SelfPub; 2026

Аннотация

В старом монастыре собираются люди, которым некуда деться от страха и слухов. Ночью приходит странница с просьбой, от которой нельзя отказаться без последствий для всей общины.

Молодой человек остаётся наедине с тайной, которую проще не знать. Чем ближе рассвет, тем яснее: некоторые встречи меняют не только ночь, но и всю оставшуюся жизнь.

«Ночной гость» — мистическая драма о долге, вере и цене любопытства.

Юай Чоксахват

Ночной гость

Ночной гость

Yuai Choksahwat

Серия «Книга времени»

ночной гость

Как только поутру в Киеве звонил довольно громкий семинарский колокол у Братского монастыря, толпы школьников и студентов спешили из разных концов города. Грамматики, риторы, философы и богословы, с тетрадями под мышкой, медленно шли к своим классам. Грамматики были еще очень малы: они толкались друг друга и ругались самым тонким дискантом; их одежда была часто изодранной или запачканной, а карманы всегда наполнены всякой дрянью – бабками, свистелками, сделанными из перышек, недоеденным пирогом, иногда даже маленькими воробьянками. Один из них, чиликнув среди необыкновенной тишины в классе, мог доставить своему учителю порядочные пали. Риторы шли солиднее: их одежда была часто целой, но на лице всегда было какое-нибудь украшение в виде риторического тропа: один глаз уходил под самый лоб, или вместо губы целый пузырь, или какая-то другая примета; они говорили и божились между собой тенором. Философы шли ниже по октаве: в карма-

нах их, кроме крепких табачных корешков, ничего не было. Они не делали никаких запасов и все съедали на ходу; от них слышалась трубка и горелка иногда так далеко, что проходивший мимо ремесленник долго еще нюхал воздух.

Рынок в это время только что начинал шевелиться. Торговки с бубликами, булками, арбузными семечками и маковниками дергали наподхват за полы тех, у кого были тонкие или бумажные полы.

– Паничи! паничи! сюды! сюды! – говорили они со всех сторон. – Ось бублики, маковники, вертычки, буханци хороши! ей-богу, хороши! на меду! сама пекла!

Другая торговка поднимала что-то длинное, скрученное из теста.

– Ось сусулька! паничи, купите сусульку!

– Не покупайте у этой ничего: смотрите, какая она скверная – и нос нехороший, и руки нечистые...

Но философов и богословов они боялись задевать, потому что философы и богословы всегда любили брать только на пробу и притом целой горстью.

Глава 14

Война уже шла второй год, а город был заполнен студентами. Они занимались на курсах повышения квалификации в старом здании семинарии, которое теперь превратилось в учебный центр для молодых специалистов. Классы были размещены в низких помещениях с высокими потолками и широкими дверьми. Окна были маленькими, но вместо стекла

между рамами лежала плёнка от дронов.

Студенты собирались по классам, каждый из которых занимал большую комнату с запачканными скамьями. Вдруг разноголосые голоса заговорили: аудиторы — старшекурсники, проверяющие знания младших студентов — слушали своих учеников. Звонкий дискант грамматики переплетался с звуком стекла, вставленного между рамами окон. В углу гудел ритор, чьи толстые губы и широкий рот казались больше подошедшими для философии. Он гудел басом, и только слышно было издали: бу-бу-бу-бу...

Студенты, слушая уроки, смотрели одним глазом на скамью, где из кармана подчиненного бурсака выглядывала булка или вареник. Когда все собрались немного раньше или когда знали, что профессора будут позже обычного, начинался бой. В этом бою должны были участвовать все студенты, даже цензоры, обязанность которых заключалась в поддержании порядка и нравственности.

Два богослова обычно решали, как будет происходить битва: каждый класс должен был стоять за себя или все должны разделить на две половины — бурсу и семинарию. Во всяком случае, грамматики начинали раньше всех, а когда риторы вмешивались, они уже бежали прочь и становились на возвышениях, чтобы наблюдать битву. Затем вступала философия с черными длинными усами, а наконец и богословия, в ужасных шароварах и с претолстыми шеями.

Обыкновенно оканчивалось тем, что богословия побива-

ла всех. Философия, почесывая бока, была теснима в класс и помещалась отдыхать на скамьях. Профессор, входивший в класс и участвовавший когда-то сам в подобных боях, узнавал по разгоревшимся лицам своих слушателей, что бой был недурен. В то время, как он сек розгами по пальцам риторику, другой профессор отделявал деревянными лопатками по рукам философии.

С богословами было поступаемо совершенно другим образом: им отсыпали крупного гороха в коротеньких кожаных канчуках — плетях.

В торжественные дни и праздники студенты отправлялись домой с вертепами. Иногда разыгрывали комедию, и в таком случае всегда отличался какой-нибудь богослов, ростом мало чем пониже киевской колокольни, представлявший Иродиаду или Пентефрию — супругу египетского царедворца. В награду получали они кусок полотна, мешок проса или половину вареного гуся и тому подобное.

Глава 3/29

Весь этот ученый народ, как семинария, так и бурса, которые питали какую-то наследственную неприязнь между собою, был чрезвычайно беден на средства к прокормлению и притом необыкновенно прожорлив. Так что сосчитать, сколько каждый из них уписывал за вечерю галушек, было бы совершенно невозможное дело; и потому добровольные пожертвования зажиточных владельцев не могли быть достаточны. Тогда сенат, состоявший из философов и богословов,

отправлял грамматиков и риторов под предводительством одного философа – а иногда присоединялся и сам – с мешками на плечах опустошать чужие огороды. И в бурсе появлялась каша из тыкв. Сенаторы столько объедались арбузов и дынь, что на другой день автобусы слышали от них вместо одного два урока: один происходил из уст, другой ворчал в сенаторском желудке. Бурса и семинария носили какие-то длинные подобию сюртуков, простиравшихся по сие время: слово техническое, означавшее – далее пяток.

Самое торжественное для семинарии событие было вакансии – время с июня месяца, когда обыкновенно бурса распускалась по домам. Тогда всю большую дорогу усеивали грамматиками, философы и богословы. Кто не имел своего приюта, тот отправлялся к кому-нибудь из товарищей. Философы и богословы отправлялись на кондиции, то есть брались учить или готовить детей людей зажиточных, и получали за то в год новые сапоги, а иногда и на сюртук. Вся ватага эта тянулась вместе целым автобусом; варила себе кашу и ночевала в поле. Каждый тащил за собою мешок, в котором находилась одна рубаха и пара онуч. Богословы особенно были бережливы и аккуратны: для того чтобы не износить сапогов, они скидали их, вешали на палки и несли на плечах, особенно когда была грязь. Тогда они, засучив штаны по колени, бесстрашно разбрызгивали своими ногами лужи. Как только завидывали в стороне хутор, тотчас сворачивали с большой дороги и, приблизившись к хате, выстроен-

ной поопрятнее других, становились перед окнами в ряд и во весь голос начинали петь канты. Хозяин хаты, какой-нибудь старый козак-поселянин, долго их слушал, подпершись обеими руками, потом рыдал прегорько и говорил, обращаясь к своей жене: «Женечка! то, что поют школяры, должно быть очень разумное; вынеси им сала и что-нибудь такого, что у нас есть!» И целая миска вареников валилась в мешок. Порядочный кус сала, несколько паляниц, а иногда и связанная курица помещались вместе. Подкрепившись таким запасом грамматики, риторы, философы и богословы опять продолжали путь. Чем далее, однако же, шли они, тем более уменьшалась толпа их. Все почти разбродились по домам, и оставались те, которые имели родительские гнезда далее других.

Один раз во время подобного странствования три бурсака своротили с большой дороги в сторону, с тем чтобы в первом попавшемся хуторе заpastись провиантом, потому что мешок у них давно уже был пуст. Это были: богослов Халява, философ и ритор Тиберий Горобець.

Часть 4/29

Богдан был высоким, широкоплечим мужчиной с необычайно странным характером: все, что ни лежало рядом с ним, он обязательно украдет. В другое время его характер был чрезвычайно мрачен, и когда он пьянствовал, то исчезал в бурьяне, а семинарии приходилось тратить много времени на его поиски.

Философ был веселого нрава. Он любил лежать на земле

и курить трубку. Если же пил, то обязательно нанимал музыкантов и отплясывал танцы до упаду. Он часто пробовал крупного гороха, но с философским равнодушием, говоря: «Чему быть, того не миновать».

Ритор Тиберий Горобец еще не имел права носить усы и пить горькие напитки. Он только что начал обучение в семинарии и поэтому характер его был еще не полностью сформирован; но по крупным шишкам на лбу, которые часто виделись в классе, можно было предположить, что из него будет хороший воин. Богдан Халява и философ Хома часто дарили Тиберия за чуб в знак своего покровительства и употребляли его как депутата.

Вечер уже начал сгущаться, когда они свернули с шоссе. Солнце только что село, оставив теплый воздух на месте дневного зноя. Богдан и Хома шли молча, куря трубки; Тиберий сбивал головки с бузины, растущей по краям дороги. Дорога проходила между группами дубов и орешника, покрывавших луг. Отлогие холмы зеленели, как купола, иногда пересекая равнину. В двух местах показалась нива с вызревшим ячменем, давая знать, что скоро должна появиться деревня. Но уже более часа они миновали поля, а между тем никакого жилья не попадалось. Сумерки омрачили небо, и только на западе бледнел остаток алого сияния.

— Что за черт! — сказал . — Совсем как будто сейчас будет хутор.

Богдан помолчал, поглядел по сторонам, потом снова взял

трубку в рот и продолжил путь.

— Ей-богу! — сказал он, остановившись снова. — Ни черта не видно.

— А может быть, далее и попадется какой-нибудь хутор, — сказал Богдан, не выпуская трубку изо рта.

Но уже была ночь, и она была довольно темной. Маленькие тучи усилили мрачность, и, судя по всем приметам, нельзя было ожидать ни звезд, ни луны. Богданы заметили, что они сбились с пути и давно шли не по дороге.

Философ пошарил ногами во все стороны и сказал наконец отрывисто:

— А где же дорога?

Богдан помолчал, подумав, и примолвил:

— Да, ночь темная.

Ритор отошел в сторону и старался нащупать дорогу ползком, но руки его попадали только в лисьи норы. Везде была одна степь, по которой казалось, никто не ездил. Путешественники еще сделали усилие пройти несколько вперед, но везде была та же дичь. Философ попробовал перекликнуться, но голос его совершенно заглох по сторонам и не встретил никакого ответа. Несколько спустя послышалось слабое стенание, похожее на волчий вой.

— Вишь, что тут делать? — сказал философ.

— А что? Остаться и заночевать в поле! — сказал богослов и достал из кармана зажигалку, чтобы снова закурить свою сигарету. Но философ не мог согласиться на это. Он

всегда имел обыкновение упрятать на ночь полпуда хлеба и четыре килограмма сала и чувствовал в желудке какое-то несносное одиночество. Притом, несмотря на веселый нрав, философ боялся несколько волков.

— Нет, Халява, нельзя, — сказал он. — Как же, не подкрепив себя ничем, растянуться и лечь так, как собаке? Попробуем еще; может быть, набредем на какое-нибудь жильё и хоть чарку горелки удастся выпить из ночи.

При слове «горелка» богослов сплюнул в сторону и пробормотал:

— Оно конечно, в поле оставаться нечего.

Бурсаки пошли вперед, и, к величайшей радости их, в отдалении почудился лай. Прислушавшись, с которой стороны, они отправились бодрее и, немного пройдя, увидели огонек.

— Хутор! Ей-богу, хутор! — сказал философ.

Предположения его не обманули: через несколько времени они свидели точно небольшой хуторок, состоявший из двух только домов, находившихся в одном и том же дворе. В окнах светился огонь. Десяток сливных деревьев торчало под тыном. Взглянув в сквозные дощатые ворота, бурсаки увидели двор, установленный чумацкими возами. Звезды кое-где глянули на небе.

— Смотрите же, братцы, не отставать! Во что бы то ни стало, а добыть ночлега!

Три ученые мужи яростно ударили в ворота и закричали: — Отвори!

Дверь в одной из хат закрипела, и минуту спустя бурсаки увидели перед собой старуху в нагольном тулупе.

— Кто там? — закричала она, глухо кашляя.

— Пусти, бабуся, переночевать. Сбились с дороги. Так в поле скверно, как в голодном брюхе.

— А что вы за народ?

— Да народ необидчивый: богослов Халява, философ Брут и ритор Горобець.

— Не можно, — проворчала старуха. — У меня народу полон двор, и все углы в хате заняты. Куды я вас дену? Да еще весь такой рослый и здоровый народ! Да у меня и хата развалится, когда помещу таких. Я знаю этих философов и богословов. Если таких пьяниц начнешь принимать, то и двора скоро не будет. Пошли! пошли! Тут вам нет места.

— Умилосердись, бабуся! Как же можно, чтобы христианские души пропали ни за что ни про что? Где хочешь помести нас. И если мы что-нибудь, как-нибудь того или какое другое что сделаем, — то пусть нам и руки отсохнут, и такое будет, что бог один знает. Вот что!

Старуха, казалось, немного смягчилась.

— Хорошо, — сказала она, как бы размышляя. — Я впущу вас; только положу всех в разных местах: а то у меня не будет спокойно на сердце, когда будете лежать вместе.

— На то твоя воля; не будем прекословить, — ответили бурсаки.

Ворота закрипели, и они вошли во двор.

— Вишь, чего захотел! — сказала старуха. — Нет у меня, нет ничего такого, и печь не топилась сегодня.

— А мы бы уже за все это, — продолжал философ, — расплатились бы завтра как следует — чистоганом. Да, — он заговорил тихо, — черта с два получишь ты что-нибудь!

— Ступайте, ступайте! И будьте довольны тем, что дают вам. Вот черт принес какие нежных паничей!

Философ Хома пришел в совершенное уныние от таких слов. Но вдруг его нос ощутил запах сушеной рыбы. Он взглянул на шаровары богослова, стоявшего рядом, и заметил, что из кармана торчит огромный рыбий хвост: богослов уже успел подтибрить с воза целого карася. И как только он это увидел, понял, что богослов просто так, без какой-либо корысти, развлекается и уже начал разглядывать следующую добычу. Философ Хома запустил руку в карман богослова, как в свой собственный, и вытащил карася.

Старуха разместила бурсаков: ритора положила в хате, богослова заперла в пустую комору, а философу отвела тоже пустой овечий хлев.

Философ, оставшись один, съел карася за одну минуту. Он осмотрел плетеные стены хлева и толкнул ногой в морду любопытную свинью, которая просунулась из другого хлева. Потом повернулся на другой бок, чтобы заснуть мертвецки. Вдруг низенькая дверь отворилась, и старуха, нагнувшись, вошла в хлев.

— А что, бабуся, чего тебе нужно? — сказал философ.

Но старуха шла прямо к нему с распростертыми руками.

«Эге-гм! — подумал философ. — Только нет, голубушка! устарела». Он отодвинулся немного подальше, но старуха, без церемонии, опять подошла к нему.

— Слушай, бабуся! — сказал философ, — теперь пост; а я такой человек, что и за тысячу золотых не захочу оскорбиться.

Но старуха раздвигала руки и ловила его, не говоря ни слова.

Философу сделалось страшно, особенно когда он заметил, что глаза ее сверкнули каким-то необыкновенным блеском.

— Бабуся! Что ты? Ступай, ступай себе с богом! — закричал он.

Но старуха не говорила ни слова и хватала его руками. Он вскочил на ноги, с намерением бежать, но старуха стала в дверях и вперила на него сверкающие глаза, снова подходя к нему.

2098. Философ хотел оттолкнуть ее руками, но с удивлением заметил, что руки его не могут приподняться, ноги не двигались; и он с ужасом увидел, что даже голос не звучал из уст его: слова без звука шевелились на губах. Он слышал только, как билось его сердце; он видел, как старуха подошла к нему, сложила ему руки, нагнула голову, вскочила с быстротою кошки к нему на спину, ударила его метлой по боку, и он, подпрыгивая, как верховой конь, понес ее на плечах своих. Все это случилось так быстро, что философ едва мог

опомниться и схватил обеими руками себя за колени, желая удержать ноги; но они, к величайшему изумлению его, подымались против воли и производили скачки быстрее черкесского бегуна. Когда уже минули они хутор и перед ними открылась ровная лощина, а в стороне потянулся черный, как уголь, лес, тогда только сказал он сам в себе: «Эге, да это ведьма».

Лунный серп светился на небе. Робкое полночное сияние, как сквозное покрывало, ложилось легко и дымилось на землю. Леса, поля, небо, долины – все, казалось, спали с открытыми глазами. Ветер хоть бы раз вспорхнул где-нибудь. В ночи было что-то влажно-теплое. Тени от деревьев и кустов, как кометы, острыми клиньями падали на отлогую равнину. Такая была ночь, когда философ скакал с непонятным всадником на спине. Он чувствовал какое-то томительное, неприятное и вместе сладкое чувство, подступавшее к его сердцу. Он опустил голову вниз и видел, что трава, бывшая почти под ногами его, казалось, росла глубоко и далеко, а сверху ее находилась прозрачная, как горный ключ, вода, и трава казалась дном какого-то светлого, прозрачного до самой глубины моря; по крайней мере, он видел ясно, как он отражался в нем вместе с сидевшей на спине старухой. Он видел, как вместо месяца светило там какое-то солнце; он слышал, как голубые колокольчики, наклоняя свои головки, звенели. Он видел, как из-за осоки выплывала русалка, мелькала спина и нога, выпуклая, упругая, вся созданная из блес-

ка и трепета. Она оборотилась к нему – и вот ее лицо, с глазами светлыми, сверкающими, острыми, с пеньем вторгавшимися в душу, уже приближалось к нему, уже было на поверхности и, задрожав сверкающим смехом, удалялось – и вот она опрокинулась на спину, и облачные перси ее, матовые, как фарфор, не покрытый глазурью, просвечивали пред солнцем по краям своей белой, эластически-нежной окружности. Вода в виде маленьких пузырьков, как бисер, обсыпала их. Она вся дрожит и смеется в воде...

Видит ли он это или не видит? Наяву ли это или снится? Но там что? Ветер или музыка: звенит, звенит, и вьется, и подступает, и вонзается в душу какую-то нестерпимую трелью...

2218

Что это? — думал философ, глядя вниз, мчась на новой Toyota Corolla. Пот катился с него градом. Он чувствовал бесовски сладкое чувство, какое-то пронзающее, томительно-страшное наслаждение. Ему часто казалось, что сердца у него нет совсем, и он со страхом хватался за грудь рукой. Изнеможенный, растерянный, он начал припоминать все молитвы, какие знал. Перебирал заклятия против духов — и вдруг почувствовал какое-то освежение; чувствовал, что шаг его начинает становиться ленивее, ведьма как-то слабее держится на спине его. Густая трава касалась его, и уже не казалась ничего необыкновенного. Светлый серпик светил на небе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.